

Преподобноисповедник Леонтий (Стасевич) (1884 - 1972 гг.)

Архимандрит, настоятель храма
Архистратига Михаила села Михайловское
Фурмановского района

Архимандрит Леонтий (Стасевич) родился 20 марта 1884 года в посаде Тарноград Белгорайского уезда Люблинского воеводства Холмской губернии Царства Польского, входившего в те времена в состав Российской империи.

Во святом крещении младенец был наречен Львом в честь святителя Льва епископа Катанского.

Родители его – Фома Федорович и Екатерина Стефановна – были крестьянами. Детей в семье долго не было. Когда маленький Лев появился на свет, Фоме Федоровичу было сорок четыре, а Екатерине Стефановне - тридцать два года. Лев был единственным ребенком в семье. По мере возрастания он поступил в двухклассное земское училище, а позже в четырехклассную гимназию.

Семья Стасевичей была верующей и благочестивой. С детства маленького Льва приучали к молитве, труду и добрым делам. Однажды мама попросила Льва сходить в лес за грибами. Набрав грибов, Лев торопился домой, но по дороге он вспомнил о бедных, одиноких старушках, живших рядом. Проходя мимо их домов, мальчик раздал им все собранные грибы. Пришлось опять возвращаться в лес, чтобы набрать грибов домой. Мама беспокоилась из-за долгого отсутствия мальчика, но узнав, почему он задержался, не стала его ругать.

В семье Стасевичей часто бывали особые гости. Отец Леонтий вспоминал, что отец, возвращаясь на лошадях с базара, иногда привозил с собой какого-нибудь странника, которому негде было переночевать. Странники обычно пели духовные песнопения, рассказывали об угодниках Божиих и обителях, в которых пришлось побывать.

С пятнадцати лет Лев начал работать писарем в Тарноградском суде. Похоронив отца в 1905 году, он стал единственным кормильцем престарелой матери. Но желание стать священником было так велико, что он испросив ее благословения поступил в Холмскую духовную семинарию. В брак Лев Фомич не вступал, желая

всецело посвятить свою жизнь служению Богу. Вероятно здесь, в духовной семинарии, он познакомился с будущим Святейшим Патриархом, а тогда просто епископом Тихоном, который был одним из первых ректоров этой семинарии.

После окончания семинарии двадцатилетний Лев осуществил свое заветное желание: 31 декабря 1910 года он поступил в Яблочинский Свято-Онуфриевский мужской монастырь, расположенный в двух верстах от с. Яблочна Бельского уезда Седлецкой губернии. Монастырь этот был основан в начале XVI в. на небольшом речном острове, имел каменный храм и причетническую школу. В начале века он представлял собой образцовую процветающую обитель, в которой насчитывалось около тридцати пяти человек братии.

В 1912 году, в Великий Понедельник, Лев Фомич был пострижен в монашество с именем Леонтий в честь Леонтия, святителя Ростовского. В этом же году отец Леонтий похоронил свою мать, со смертью которой прервалась последняя нить, связывающая его с миром. 29 октября 1912 года епископом Евлогием Холмским о.

Леонтий был возведен в сан иеродиакона, а 20 мая 1913 года епископом Анастасием в сан иеромонаха.

В Яблочинском монастыре у о. Леонтия проявилась любовь к частому и строгому уставному богослужению, которую он пронес через всю свою жизнь. Хотя о. Леонтий прожил в монастыре менее пяти лет, пребывание в нем оказало существенное влияние на его духовный облик. Преподобного Онуфрия, в честь которого был освящен главный храм обители, батюшка считал своим особым покровителем.

В 1914 году началась Первая мировая война, и вскоре братия Яблочинского монастыря, ввиду близости линии фронта, была эвакуирована в глубину России. О. Леонтий был определен в одну из наиболее почитаемых русских обителей - московский Богоявленский монастырь, расположенный неподалеку от Кремля. Монастырь этот был основан в XIII веке святым благоверным князем Даниилом Московским. В штат монастыря о. Леонтий был зачислен в 1916 году. В 1919 году по благословению Святейшего патриарха Тихона и Святейшего Синода преосвященным Евсеем был возведен в сан игумена. С 1917 года батюшка учился в

Московской Духовной Академии, которую он, однако, не окончил, ввиду роспуска последней в 1919 году.

В те смутные годы, когда уже начались гонения на Церковь, многие монастыри, чтобы как-то выстоять и уберечься от закрытия, регистрировались как “трудовые коммуны”, а монахи числились еще и на “общественной работе”. В качестве послушания о. Леонтий был председателем кварталкомиструда №2 в Китай-городе и председателем домкома по адресу ул. Никольская, д.6.

26 ноября 1922 г. по ходатайству преосвященного Василия, епископа Суздальского, владимирским Епархиальным Управлением о.Леонтий был назначен в суздальский Спасо-Евфимьев монастырь, и в том же году утвержден наместником этого монастыря. Спасо-Евфимьев монастырь был основан в 1352 году. В начале XX века он представлял собой первоклассную обитель с пятью храмами и богатой ризницей, в которой хранилось множество драгоценных вкладов, церковной утвари и облачений. Братии в монастыре насчитывалось около ста человек.

По прибытии в монастырь о.Леонтий обнаружил, что жизнь в обители пришла в расстройство: должным чином не совершалось богослужение, требовали неотложного решения хозяйственные дела. Некоторые из братии сочувствовали обновленческому расколу, терзавшему в те годы Церковь. Новый наместник принялся за наведение порядка, но столкнулся с враждебным отношением некоторых насельников. Отца Леонтия всячески поносили и злословили, и даже поднимали руку на своего настоятеля, пытаясь заставить батюшку покинуть монастырь. Но простые люди - паломники и жители Суздаля - полюбили отца Леонтия за его кротость, доброту и искреннюю веру. В 1923 году Спасо-Евфимьев монастырь был закрыт властями.

Батюшка остался в Суздале и Святейшим Патриархом Тихоном был назначен настоятелем двух приходов: Смоленской иконы Божией Матери и свят. Иоанна Златоуста. Приходы, в которых служил о. Леонтий “придерживались тихоновской ориентации”, строго хранили чистоту Православной веры и церковных канонов. 20 мая 1924 года Святейшим Патриархом о. Леонтий был возведен в сан архимандрита. За время своего служения в

Суздале о. Леонтий, несмотря на сложные условия, привлек к Церкви многих людей. Его имя стало широко известно верующим. На службу к о. Леонтию люди добирались из отдаленных от Суздаля мест, из городов Иваново и Тейково. Позже некоторые из них были репрессированы вместе с о. Леонтием.

В 1930 году о. Леонтий был арестован суздальским райотделом ОГПУ и приговорен к трем годам лагерей по статье 58-10 УК РСФСР, т.е. по стандартному обвинению в антисоветской контрреволюционной деятельности. Истинной же причиной ареста о. Леонтия было недовольство местных властей тем, что о. Леонтий препятствовал антирелигиозной пропаганде своими проповедями и ежедневными богослужениями. Поводом к аресту послужила любовь о. Леонтия к колокольному звону. Позже он вспоминал об этом так: "...звон тогда был запрещен. А мне... так захотелось Господа прославить звоном. Залез на колокольню и давай звонить. Долго звонил. Спускаюсь с колокольни, а меня уже встречают с наручниками".

Заключение о. Леонтий отбывал в Коми АССР. Он работал фельдшером при дорожно-

строительном участке. Духовные чада о. Леонтия из Суздаля и Тейково посылали ему продуктовые и вещевые посылки. Но батюшка все, что получал, раздавал другим заключенным, не оставляя себе ничего.

В 1933 году о. Леонтий возвратился из лагеря и в 1934 году по благословению преосвященного Хрисанфа, епископа Юрьев - Польского, стал служить в селе Бородино Гаврилово-Посадского района Ивановской Промышленной области, включавшей в те времена территорию нынешних Ивановской, Владимирской, Костромской, Ярославской и частично Нижегородской областей. Так как с.Бородино находится почти на границе Суздальского и Гаврилово-Посадского районов, о. Леонтий мог поддерживать связь со своими духовными чадами из Суздаля. Однако пребывание батюшки на новом месте было недолгим - 11 ноября 1935 года он опять был арестован.

О. Леонтий рассказывал: “Когда я проходил в городе Н. по улице, там сидел один блаженный, он предсказал мне: “Придет время, тебя поведут по улице и прикладами будут погонять”. Это сбылось в Гавриловом Посаде. Нехитрое имущество о. Леонтия было конфисковано и погружено на телегу. Сам же он со связанными

руками был за шею привязан к этой телеге, и так был проведен на ошейнике, как бессловесное животное, через весь город. Под издевательства и насмешки толпы о. Леонтия в таком виде отправили в районный отдел НКВД.

В деле №237470 от 11 ноября 1935 г. (л.134) говорится: “Вдохновителями Ивановской церковно-монархической группы являются ардатовский старец схимонах Иоанн и архим. Леонтий Стасевич. Архим. Стасевич проживая в деревне среди крестьян единоличников вел антиколхозную агитацию, выступал против налоговой политики советской власти. Кроме того, Стасевич вовлекал в религиозную деятельность детей школьного и дошкольного возраста. В этих целях детям раздавал мелкие подарки в виде школьных перьев, тетрадей и денег на приобретение учебников. В результате подпавшие под влияние Стасевича дети просили своих родителей, чтобы их окрестили и регулярно совершали над ними религиозные обряды. Участники группы Д. и К. с целью насаждения религиозного фанатизма и создания антисоветского настроения среди работников промышленных предприятий, крестьян, колхозниц и единоличниц, широко

рекламировали ардатовского “старца” схимонаха Иоанна и архим. Стасевича за прозорливцев и святых и организовывали к последним массовые паломничества церковников."

Отцу Леонтию были предъявлены обвинения в том, что он был «вдохновителем контрреволюционной церковно-монархической группировки; вел антисоветскую и антиколхозную деятельность; вовлекал в религиозную деятельность детей школьного и дошкольного возраста путем раздачи последним мелких подарков». О. Леонтий категорически отвергал два первых обвинения, а о своих отношениях с детьми говорил: "...я раздавал детям подарки, выражавшиеся в перьях (для чернильных авторучек), карандашах и деньгах на приобретение учебных книг и исключительно с той целью, чтобы отвлечь внимание детей от хулиганских действий". Постановлением Особого Сопещания при Народном Комиссаре внутренних дел СССР от 15.02.1936 года он был приговорен к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на три года. К тому времени у о. Леонтия была обнаружена болезнь сердца, но комиссия признала его годным к физическому труду. Заключение о. Леонтий

отбывал в Карагандинских лагерях, работая при санчасти лечпомом.

Зимой 1935 года на перроне ж. д. вокзала г. Иваново был собран целый этап заключенных, среди них находилось много священников; все были обриты и острижены. Несмотря на это они узнали друг друга и, прямо здесь на перроне, запели громко, во весь голос, молитву “Царю Небесный”. Народ вокруг плакал. Охрана грубо прекратила пение, и в наказание вагоны с заключенными были загнаны в тупик. Стоял сильный мороз, от которого в несколько дней перемерзли многие ссыльные. Только в одном вагоне, в котором находился о. Леонтий, все остались живы. Батюшка призывал всех заключенных ночью класть земные поклоны с Иисусовой молитвой и потому никто из них не замерз.

В лагере о. Леонтия, как священника, пытались “перевоспитать”. Однажды в Пасхальную ночь охранники потребовали, чтобы о. Леонтий отрекся от Бога. Он отказался это сделать. Тогда они привязали его к веревке и с головой опустили в нечистоты лагерного клозета. Через некоторое время поднимают его и кричат: “Отрекаешься?”, а он им: “Христос воскрес!”

Опять его окунают, вытаскивают, а он им: “Христос воскрес, ребята!” Поиздевались над ним, но не смогли заставить батюшку отречься от Бога.

О. Леонтий как-то рассказывал: “...часто нам целыми ночами не давали спать. Только ляжешь, - кричат, - “Подъем, на улицу строиться”, а на улице холодно и дождь. Начинают мучить: “Лечь, встать, лечь, встать!”, а падаешь прямо в грязь, в лужу. Скомандуют отбой, только начнешь согреваться и опять кричат: “Подъем, строиться!” И такая процедура до утра, а утром на тяжелую работу”. Все тюремные скорби о. Леонтий переносил с большим терпением и часто говорил: “...я в раю был, а не в тюрьме”.

В конце 1938 года о. Леонтий был освобожден и вернулся в Суздаль. В храмах, насколько известно, он не служил, но часто ходил по деревням Суздальского и Гаврилово-Посадского районов, совершая требы. Иногда он приезжал в поселок Нерль Тейковского района, где на дому у своих духовных чад совершал богослужения. На вопрос других священнослужителей, почему о. Леонтий не устраивается в храм, о. Леонтий отвечал: “Если нам будет дана свобода, не будут притеснять налогами, то можно будет давать согласие (на служение)”. В 1943 году по вопросу

открытия церквей он говорил: “Прежде, чем говорить об открытии церквей вновь, надо товарищам коммунистам вывезти из церквей навоз, - это только благодаря коммунистам произошло такое осквернение православных храмов. Сейчас они под давлением союзников хотят исправить и сгладить свою ошибку, но все равно, это ненадолго. Большевики будут допускать некоторые послабления до тех пор, пока им выгодно, а потом опять нажмут”.

После окончания Великой Отечественной войны положение Русской Православной Церкви изменилось в лучшую сторону. Отцу Леонтию предложили вернуться к службе, и он согласился. Но, чтобы оторвать его от старой паствы, батюшку направили в село Воронцово Пучежского района, расположенное в противоположном конце Ивановской области, в нескольких километрах от Волги.

11 июля 1947 года епископ Ивановский и Кинешемский Михаил вручил отцу Леонтию указ о назначении его настоятелем храма в честь Живоначальной Троицы села Воронцово. В Воронцово отец Леонтий служил с диаконом Василием Васинским (будущим архимандритом Никодимом) и псаломщиком Шаровым.

Батюшка был назначен благочинным церковей Пучежского района, а их в районе было всего четыре. Все храмы и духовенство были обложены множеством налогов. Но, несмотря на давление властей, церковная жизнь в Воронцово налаживалась: был отремонтирован храм, решены многие бытовые проблемы, но, главное, значительно увеличилось число прихожан.

2 мая 1950 года, после литургии, отец Леонтий был арестован в третий раз. За три дня до ареста он внезапно начал раздавать духовным чадам и своим прихожанам все свое имущество, включая келейные иконы. Деньги отец Леонтий раздавал и наличными и отправлял почтовыми переводами. Когда его арестовали, при личном обыске обнаружили 606 рублей, наперсный крест, восемь металлических нательных крестиков, Канонник, Часослов, паспорт, цветной пояс и эмалированную кружку. 4 мая он был доставлен во внутреннюю тюрьму Ивановского МГБ.

Отцу Леонтию было предъявлено обвинение в том, что он, «будучи враждебно настроенным к существующему в СССР политическому строю, прикрываясь службой в Церкви, группирует вокруг себя антисоветские элементы из числа церковников и ведет организованную

враждебную деятельность”, “...в целях разжигания религиозного фанатизма у верующих выдает себя за “прозорливого” т.е. “святого” человека...”, “...на протяжении ряда лет в своих проповедях и разговорах с отдельными лицами призывает верующих не работать в колхозе в религиозные праздники, распространяет провокационные измышления о, якобы скорой кончине мира, влияя этим на окружающее население, что отрицательно отражается на проведении политических мероприятий в колхозах”. На все обвинения отец Леонтий отвечал: “...в своих проповедях при богослужении я призывал верующих, посещающих церковь, беззаветно верить в Бога, исполнять все заповеди, регулярно посещать храм”. Один из свидетелей по делу показывал при допросе: “Стасевич... служит по монастырскому уставу, старается хранить веру в чистоте и прививать ее путем церковных служб и проповедей. Он всегда требует исполнения всех духовных заповедей”.

В ходе следствия допрашивались и сокамерники отца Леонтия, которые передали следователю такие слова батюшки: “Была матушка Россия до революции всем снабжена. А сейчас с разными стахановцами ничего не

стало. У колхозников не хватает даже хлеба, не говоря о других продуктах. Колхозники голодают, а правительство к ним очень плохо относится”. На обвинения в том, что одна девушка, 1924 г. рождения оставила комсомол, о. Леонтий ответил: “Значит, мои проповеди не проходят даром, меня понимают и молодые”.

Отец Леонтий очень любил детей и охотно с ними общался. Во время допроса следователь также начал поднимать “детскую тему”. Отвечая на вопросы о своих проповедях, старец говорил: “...Их (т.е. школьников) я поучал быть вежливыми со старшими, хорошо учиться, слушать родителей”. Дети иногда бывали в келье отца Леонтия, нескольких ребят, которым к тому времени не исполнилось 12 лет, он крестил. Находясь в Иваново осенью 1949 года, отец Леонтий, на дому своей духовной дочери, тайно крестил семерых ребятишек дошкольного возраста. Своим сокамерникам отец Леонтий говорил: “Когда я узнал, что в школе заметили на детях кресты и стали снимать их, я матерям говорил, что пусть в школу дети ходят без креста, а придя из школы, снова его одевают. Так я и добивался своей цели”.

Все эти поступки отца Леонтия были охарактеризованы следствием как “обработка молодежи в религиозном направлении” и стали частью обвинительного заключения, которое гласило: “...Обвиняемый Стасевич в течение 47-50-х годов, проводя богослужения в Церкви в своих проповедях распространял антисоветские измышления о якобы приближающихся “Страшном Суде” и “Кончине мира”, истолковывая религиозные писания в антисоветском духе”. Следователь ходатайствовал о том, чтобы отец Леонтий и три его духовных дочери были приговорены к 10 годам ИТЛ.

Особым совещанием при Министре Госбезопасности СССР это ходатайство было удовлетворено в отношении 66-летнего о. Леонтия. Его же духовные чада, как выходцы из рабоче-крестьянской среды, получили по 8 лет ИТЛ. Отец Леонтий был отправлен в лагерь Озерный в Коми АССР, где он значился под № 9-СО-23726. В лагере батюшке, бывшему в преклонных годах, приходилось трудно, но заключенные, видя святость его жизни и силу веры, уважали старца.

Батюшку поместили в одну камеру с вором рецидивистом. Войдя в камеру, о.Леонтий

сделал земной поклон, а когда пришло начальство с осмотром, то увидели, что вор стоит на коленях и плачет, а батюшка утешает его. Заключенные охотно делились едой и теплой одеждой с батюшкой, а когда начальство стало обижать его, то заключенные грозились поднять бунт в лагере... Внезапно у начальника лагеря тяжело заболела дочь, но лагерный врач не смог определить, что это за болезнь. Отец Леонтий увидел девочку и сказал, что в нее вселился бес. Батюшка стал усердно молиться за эту девочку, и бес вышел из нее. В благодарность за это начальник лагеря сделал ему некоторые послабления в режиме и возможность на Пасху отслужить литургию. Заключенные помогли батюшке с облачением. Епитрахиль и поручи были сделаны из полотенец, а кресты на них были нарисованы карандашом. Службу служили в лесу, на пне. Вскоре о. Леонтий получил освобождение по амнистии.

В середине 50-х годов начался массовый пересмотр дел по политическим обвинениям. 21 января 1955 г. было пересмотрено и дело по обвинению о. Леонтия. В заключении по делу говорилось, что “организованной антисоветской деятельности” не было, а только имели место отдельные антисоветские высказывания.

Поэтому предлагалось срок наказания снизить с 10 до 5 лет, а поскольку о. Леонтий пять лет в заключении уже провел, то из-под стражи его следует освободить.

Вернувшись из заключения, отец Леонтий попытался вновь обосноваться в с.Воронцово, но из этого ничего не получилось. Новый настоятель встретил его крайне недоброжелательно и даже угрожал устроить ему еще один арест. И семидесятилетнему старцу опять пришлось искать новое место службы. Около месяца о. Леонтий жил в Иваново, а 20 июля 1955 г. был назначен архиепископом Венедиктом настоятелем церкви Михаила Архангела с. Михайловского Середского (ныне Фурмановского) района. Храм Архистратига Божия Михаила в советский период окормлял верующих тридцатитысячного г. Фурманова (Середа) и еще 24 сел.

Хотя у батюшки было направление от владыки, но священник, служивший в Михайловском, в свой дом его не впустил. О. Леонтий поселился в холодной избе без печки и жил так целую зиму, обогревался он только “тушильником” (гасилкой для углей), а сам говорил: “Я в раю жил”.

Прихожане Михайловского храма очень полюбили отца Леонтия. Он восстановил добрые отношения среди прихожан и членов церковного совета, наладил строгое уставное богослужение, причем, как вспоминают, служил каждый день. Поскольку сфера деятельности Михайловского прихода была очень большой, о. Леонтий трудился непрестанно. Большая часть треб совершалась для жителей г. Фурманова, расположенного в восьми километрах от Михайловского. О. Леонтий останавливался там на квартире, принимал заказы на требы и совершал их в тот же день. Кто-то сообщил об этом местному уполномоченному по делам РПЦ и в Епархиальное Управление. Последовало замечание со стороны епископа. Церковная и советская власти не пришли к единому решению этого вопроса. Такое положение дел привело к тому, что о. Леонтий был вынужден несколько раз в день ходить пешком в Фурманов и обратно: в Фурманове заказ на потребу сначала принимался, затем в Михайловском документально оформлялся, а потом, опять же в Фурманове исполнялся. Нечего и говорить, что для семидесятилетнего старца, не отличавшегося крепким здоровьем, такие “походы” были настоящим мучением. Несмотря на большую загруженность требами, о. Леонтий добился

разрешения и провел ремонт всего храма, колокольни, храмовых пристроек и церковной ограды.

Батюшке и в эти годы приходилось терпеть скорби от недоброжелателей, которых о. Леонтий раздражал своей требовательностью и бескомпромиссностью. Поток анонимки в Епархиальное Управление. На каждую анонимку о. Леонтию приходилось отвечать письменно. Так, в объяснительной от 30.01.60 г. он писал: “Слава Господу Богу! Жил и живу с братьями в мире, всем и всеми доволен. Господь им судья! Жалоба не отвечает истине. Я не сержусь ни на кого”.

3 мая 1960 года архиепископом Ивановским Иларионом батюшка был назначен членом епархиального совета. В 1 июня 1960 года Святейшим Патриархом Алексием I о. Леонтий был награжден правом служения Божественной Литургии с открытыми царскими вратами до Херувимской песни, 13 августа утвержден в должности епархиального духовника, а в 1962 г. он претерпел великую скорбь. Еще раньше стали распространяться слухи о том, что о. Леонтия освободят от должности настоятеля по старости или переведут его на другой приход.

Обеспокоенные верующие г. Фурманова написали 10.02.60 г. письмо владыке Иллариону. В нем говорилось: “Наш город был до отца Леонтия, как при Лоте, весь развращен. А теперь по его святой молитве многих Господь обратил на путь истинный. Весь город живет по его святым молитвам. Если у нас его возмут, тогда мы осиротеет, как овцы, которые остались без пастыря и разбрелись в разные стороны. Просим Вас, дорогой наш отец, Преосвященнейший Владыко, не оставлять нас сиротами; оставьте нам отца Леонтия до самой его смерти”. А в другом письме говорилось: “За 7 лет его служения у нас мы утешались только его службой”. Отца Леонтия, ввиду всенародной любви, никуда тогда не перевели.

Летом 1962 года два священника в корыстных целях оклеветали о. Леонтия, обвинив его в небрежном отношении к святыням. Владыка, бывший родственником одного из священников, запретил о. Леонтия в служении на месяц. После месяца пребывания под запретом о. Леонтия в должности не восстановили, а отправили его в один из самых дальних и глухих в те времена приходов – в село Елховку Тейковского района. Отцу Леонтию было уже 78 лет.

Свято-Введенский храм села Елховка был построен в 1827 году. С 1938 по 1945 г. богослужение в нем не совершалось. В 1962 г. приход являлся одним из самых бедных и отдаленных в Ивановской епархии. В Елховке отец Леонтий прожил всего один год, но память о его пребывании там местными жителями хранится до сих пор. Сохранилось свидетельство об исцелении в то время о. Леонтием одержимой женщины, будущей монахини Е.: “Духовно я тогда была неграмотная, не обратилась ни к кому за советом и послушала врага. Шла я один раз на работу и упала нарочно – притворилась, будто я ушибла очень голову и сделалась малоумной. Меня подняли и увезли в больницу – сначала общую, а поскольку я нарочно стала говорить не дело, то меня отвезли в психиатрическую больницу. Там я пролежала полтора месяца. Меня выписали и поставили на учет. Мысли меня не покидали - с чего же мне начать подвиг юродства. В то время жила у нас по соседству верующая - Александра Она знала отца Леонтия, как великого прозорливого старца. Она к нам ходила часто и видела, что со мною творится что-то неладное. И позвала она меня поехать к отцу Леонтию, в село Елховку. Приехали к нему, а была как раз весна, вошли в избу. Поклонилась я ему до земли и взяла у него

благословение. Посмотрел он на меня и сказал: “Ишь как кланяется, как монахиня”. И сбылись его слова, я сейчас монахиня. А Александра, которая привезла меня, и говорит ему: “Отец Леонтий, вот с ней что-то неладно”. А мне тогда было лет двадцать восемь. Он сказал: “Приходите завтра в церковь. Помолимся”.

На другой день встали утром рано и пошли в церковь. Церковь была небольшая, уютная. Только очень было холодно. Во время Литургии я стояла напротив Царских врат и когда читали Апостол, я почувствовала взгляд отца Леонтия на себе. Видно, он просил Господа обо мне. И когда стали читать Евангелие, вдруг мне сразу сделалось так плохо, что я не смогла находиться в храме. Я сняла с себя пальто и побежала на улицу, меня потянуло рвать. Я только успела открыть рот, как из меня выкатился желтый клубок. После этого мне стало так хорошо, что я даже не чувствовала под собой земли, как будто стояла на воздухе. Спокойно вошла в храм, достояла службу и причастилась Святых Христовых Таин. И с тех пор мысли о юродстве не стали появляться, а то не знаю, до какого состояния я дошла бы, если бы не отец Леонтий”.

Но прежняя паства не забывала отца Леонтия. С лета 1962 года в Епархиальное управление потоком шли письма с просьбой вернуть в Михайловское отца Леонтия. Писали даже Святейшему Патриарху Алексию I. В 1963 году архиепископ Иларион был переведен на другую кафедру и новым архиереем Ивановской епархии стал преосвященный Леонид (Лобачев). Он, ознакомившись с ситуацией в епархии, вернул о. Леонтия на прежнее место службы, в с. Михайловское.

Вернулся отец Леонтий в Михайловское глубоким старцем восьмидесяти лет. Телесная немощь не позволяла теперь о. Леонтию служить ежедневно, а последние два-три года своей жизни он не мог уже и передвигаться без посторонней помощи. Но в храме батюшка бывал каждый день. Когда он шел из своего домика в храм, его поддерживали за руки, а сзади несли стульчик, чтобы о. Леонтий, сделав десяток-другой шагов, мог присесть отдохнуть. А во время богослужения он таким же образом шел на вход с кадилом или евангелием. Садился напротив царских врат, отдыхал несколько секунд, благословлял вход и потом только входил в алтарь, ко Святому Престолу.

Несмотря на физическую немощь старец постоянно принимал людей, исповедовал, беседовал с ними, молился об исцелении. И так было до последних дней его жизни. Людей, ехавших к нему, было так много, что из поезда, делавшего остановку в километре от Михайловского, на ст. Белино, выходила половина всех пассажиров. Чтобы воспрепятствовать людям ходить к старцу, власти отменили остановку поезда на этой станции.

Отец Леонтий очень много исповедовал. “Исповедь у него была удивительно плодотворной, очень духовной и очень смиренной”, – вспоминал архиепископ Ивановский и Кинешемский Амвросий (Щуров), – Он никогда не обличал человека в его недостатках, а старался говорить так, чтобы человек не обиделся”. Исповедовал о. Леонтий на клиросе, в уголочке. “Дает листочек с переписанными грехами, и когда читаем эти грехи, укажет на какой-нибудь грех пальчиком и скажет: “Прочитай-ка еще раз”. Это, значит, мой грех”, – вспоминает одна духовная дочь старца. А когда человек на исповеди очень волновался, о. Леонтий говорил: “И у меня это было, и у меня это было”. Одна жительница с. Михайловское вспоминала, как она исповедовалась у о.

Леонтия: “Когда дома я поругаюсь с мужем, приду к батюшке, и он все мои слова мне скажет – слово к слову, как будто он в то время у меня дома был. Придешь к нему на исповедь – от него ничего не скроешь, он этот грех сам тебе выскажет”.

Из писем и воспоминаний духовных чад видно, каким добрым и милостивым был батюшка. Однажды мимо его дома проходил мальчик, который был очень опечален тем, что не успел к поезду, чтобы продать собранные им ягоды. Отец Леонтий спросил его: “А что бы ты хотел, чтобы тебе купила мама на деньги, вырученные за ягоды?” Мальчик ответил: “Мне нужна рубашка”. Тогда отец Леонтий купил у него все ягоды и дал ему столько денег, что их хватило на покупку рубашки. Весной о. Леонтий подобрал упавшего с дерева грачонка, сломавшего ножку. Батюшка взял его к себе домой, а когда он подрос, привязал его за веревочку и назвал Монахом. После службы о. Леонтий говорил: “Ну, мне пора, Монаха кормить надо”.

Отца Леонтия за его доброту любили и неверующие люди. Когда весной разливалась река Шача, то перебраться через нее можно было только с помощью перевозчика. Когда

перевозчики видели о.Леонтия, спускающегося с горы, они наперебой предлагали свои услуги и дожидались его возвращения из города, чтобы перевезти назад. Батюшка помогал всем, кто к нему обращался за помощью и не делал различия между верующими и неверующими.

Как многие благодатные старцы, о.Леонтий любил изъясняться шутливо и иносказательно, скрывая за шуткой глубокие и серьезные мысли. Приехала к нему однажды духовная дочь, а он у нее при встрече и спрашивает: “Ты в каком классе учишься?” Она с недоумением подумала : “Ведь он же знает, что я институт окончила”. Отец же Леонтий имел в виду духовный возраст, т.к. эта женщина к вере пришла недавно и только начинала читать духовную литературу. Позже к о. Леонтию приехала другая женщина - знакомая первой. Он у нее спрашивает: “А ты какой институт окончила?”, – хотя она в институте никогда не училась, но к тому времени хорошо изучила Священное Писание.

Раз такая “шутка” помогла батюшке освободиться от незваных гостей из райисполкома. Одним летом наготовили для гостей много щей. Съесть все не смогли, и они скисли. Евдокия, которая занималась

хозяйством, хотела их вылить, но о. Леонтий сделать этого не позволил и целую неделю щи находились в коридоре. Стояла сильная жара, щи прокисли и стали бродить, но о. Леонтий следил, чтобы их никто не вылил. И вот в Михайловское внезапно прибывает какая-то комиссия из райисполкома, чтобы проверить храм и посмотреть на священника, о котором так много говорят. Отец Леонтий, увидев эту комиссию, взял кастрюлю с прокисшими щами и поставил ее на огонь. Вокруг пошел такой запах, что приехавшим пришлось быстро удалиться с церковной территории. А отец Леонтий, вспоминая эту историю, всегда радостно смеялся: “Ох, как я чудил, как я чудил”.

К концу жизни о. Леонтий стяжал такую благодать, что находился уже в большой духовной свободе, с какой встречаешься только в описаниях жизни великих старцев. В воспоминаниях духовных чад батюшки описываются такие случаи, которые дают увидеть эту свободу в Боге. Духовная дочь старца вспоминает один случай. Приехала она и еще несколько человек в Михайловское для исповеди и причащения. Первым делом батюшка всегда велел кормить гостей. На столе

оказались только хлеб и яйца, а ничего постного не было. Приехавшие сказали: “Батюшка, мы ведь говели и хотели завтра, в воскресенье, причаститься”. Отец Леонтий сказал им: “Ешьте скоромное, все, что вам дали, а завтра причаститесь”. На другой день мы причастились, и получили такую благодать по его молитвам, что летели от него как на крыльях. Так он приучал нас к послушанию, которое выше поста и молитвы”.

Батюшка всегда пребывал в молитве и ясно видел и чувствовал молитвенный настрой других. Иной раз в тот день, когда на службе был полный храм людей, он огорченно говорил: “В храме-то всего полтора человека”. Но иногда, даже когда на службе было всего лишь несколько певчих, он радовался: “Сегодня у нас полный храм ”.

По своему смирению о.Леонтий о себе ничего не рассказывал, все свои подвиги, духовное делание он скрывал. Он был большой молитвенник. Лежит, бывало, на койке и говорит: “А меня здесь не было, я только сейчас вернулся сюда”. Молился за всех. Каждый день старец наизусть прочитывал всю Псалтирь. Никто не видел, когда он спит. Когда к нему не

приедешь, он всегда одет и готов ехать на потребу”. Если человека при нем хвалили, то он ругал его, а когда кого-нибудь ругали, то старец обязательно похвалит, чтобы не было осуждения.

О тех, кто жил вместе с ним и трудился в храме, он знал все, оберегал их единство и не допускал в их “семью” всякого. А кушать батюшка любил вместе с народом. Подадут ему, бывало, обед, а он один не станет кушать и идет со своими чашками к людям, и станут есть все вместе из одного блюда. И говорил при этом: “У нас духовная коммуна”.

Жил о. Леонтий в крайней бедности. В его комнате стояла старая железная кровать, на которой старец спал, старый стол и несколько табуреток. А за перегородкой – крошечная кухня с русской печью. Все хозяйство в домике о. Леонтия вела Евдокия. Она даже получала от о. Леонтия зарплату. А сам батюшка с радостью говорил: “Деньги (т.е. зарплату) я и в руки не беру”. А что попадало в его руки, он клал в церковную кружку, радуясь: “Опять я свободен”.

Хотя сам батюшка был преисполнен любви ко всем, находились люди, злобно издевавшиеся над телесной немощью старца. Ему делали

подножки во время каждения храма, а несколько раз, как бы ненароком, роняли на него тяжелые хоругви. Подходя при отпущении ко кресту, некоторые грозили ему: “Когда ты отсюда уйдешь?” Однажды, женщины, которые только что молились в храме, вышли на улицу и стали поджидать о. Леонтия, чтобы избить его. Но помощники батюшки, догадавшись об этом, успели вывести его боковым входом. А отец Леонтий в проповеди к народу говорил: “Люди, что вы меня гоните? Вы же всю ночь спите, а я не сплю - молюсь за вас”. В частной беседе он говорил певчим и прихожанам: “Мне давно рай открыт, но я живу ради вас, чтобы вы все спаслись”.

Верующие обращались к архиепископу Феодосию, управляющему в то время Ивановской епархией, с просьбами оставить о. Леонтия в Михайловском, несмотря на его старость и немощь. Видя такую любовь прихожан к своему пастырю, Владыка Феодосий принял такое решение: “Архимандрит Леонтий остается настоятелем храма..., но он не должен оставаться перед Престолом один, а службу совершать совместно со вторым священником”.

К этому времени о. Леонтию исполнилось 87 лет, и приближался день его блаженной кончины. По свидетельству близких людей батюшка не раз говорил, что хотел бы умереть на службе. Последнюю Литургию о. Леонтий отслужил 7 февраля 1972 г. в день памяти святителя Григория Богослова. 8 февраля он сильно ослабел, воздевал вверх руки и радостно говорил: “К Богу идем, к Богу идем!” 9 февраля в день Свт. Иоанна Златоуста во время чтения часов, отца Леонтия причастили Святых Таин на дому. После литургии все певчие пошли к батюшке и пели для умирающего старца церковные песнопения. Никто не решался уйти. В 15 ч. 30 мин. ему стало плохо, он потерял сознание, а в 16 часов душа его отошла ко Господу.

Когда прихожане после отпевания прощались с любимым батюшкой, прикладываясь к его руке, то отмечали, что она была теплой как у живого.

Батюшка, готовясь к смерти, выбирал место для своего погребения. Он хотел быть похороненным у стены малого алтаря в честь святителя Тихона Амафунтского, но говорил при этом, что все это место будет в асфальте, и потому его хоронить там не надо. Действительно, после смерти отца Леонтия, это место пришлось заасфальтировать

по технической необходимости. Не пожелал отец Леонтий быть погребенным и на маленьком кладбище, существовавшем при храме, говоря, что не хочет, чтобы по нему катались. Об этом кладбище он говорил, что все оно будет “перепахано и заезжено”. Предвидя все это, отец Леонтий просил похоронить его на общем сельском кладбище, недалеко от села Михайловское. Незадолго до своей кончины отец Леонтий встретился с председателем колхоза, и в разговоре с ним заметил: “А ты мне скоро лошадь дашь!” И действительно, в день похорон гроб с телом старца пришлось везти на кладбище на лошади, которую дал председатель, так как было много снега и машина не смогла проехать.

На сороковой день после смерти отца Леонтия, в доме где он жил, в 15.30 и в 16.00 зазвонили все часы. Через год после смерти старца в его доме с утра зазвонил электрический звонок; никто при этом не приходил в дом. Так было до трех раз . В тот же день одной его духовной дочери приснился сон, как будто вошла она в чудесный сад, в котором сидел отец Леонтий, на нем была сияющая белая риза. Стала она подходить к нему, но не голос человеческий, а мысль отца Леонтия: “Тебе сюда нельзя!” –

остановила ее. На этом сон окончился. Через несколько лет монахиня Елизавета видела во сне батюшку, сидящего в золотом одеянии, все на нем будто бы горело, сияло: и крест, и митра. Он благословил ее.

Причислен к лику святых новомучеников и исповедников Российских на Библейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 г. Память совершается 28 января, а также в дни празднования Собора новомучеников и исповедников Российских и Собора Ивановских святых 7/ 20 июня.

Тропарь, глас 5:

Яко истинный ученик Христов, плоть распял еси со страстями и похотями, житием своим Живодавца проповедуя, возшел еси от образа к подобию, преподобне отче Леонтие, и мучительми в нечистоты погружаемый, чистым сердцем и устами вопиял еси: Христос воскрес, братие!

Кондак, глас 6:

В сослужении воинства Небеснаго, яко безплотен, подвизался еси, преподобне отче наш Леонтие, достойный служителю олтаря Господня, и яко усердный придверник Пастыря Великаго,

отверзл еси дверь Писания словесным овцам, еюже входят и исходят, и пажить обретают до скончания века.

Библиография

Свято-Архангельский приход с. Михайловского Фурмановского района. «Жизнеописание преподобного Леонтия, архимандрита Михайловского, чудотворца», Иваново, 2000г.

Иваново-Вознесенская епархиальная Комиссия по канонизации святых